

26 февраля (11 марта)

Священномученик
Петр Варламов

Священномученик Петр родился в 1897 году в селе Дияшево Белебеевского уезда Уфимской губернии в бедной крестьянской семье Иакова и Елены Варламовых. Отец умер, когда Петру было девять лет, и мать сама воспитывала трех сыновей и дочь, и он с детства узнал бедность и лишения. Милостью Божией, не оставляющей вдов и сирот, Петр окончил сначала сельскую школу, а затем в 1915 году дополнительные курсы при двухклассной школе для подготовки псаломщиков и диаконов, располагавшейся в селе Подлубово Стерлитамакского уезда Уфимской губернии. По окончании курсов Петр Яковлевич был назначен псаломщиком ко храму Казанской иконы Божией Матери в село Преображеновка Стерлитамакского уезда.

Деревянный храм был выстроен в 1885 году. Особо почитаемой иконой здесь был список с чудотворного образа Табынской иконы Божией Матери. В дни празднования ее памяти в селе проходили крестные ходы со святыней, и священник заходил служить молебны в дома прихожан. Бывали случаи исцелений прибегавших с молитвой к святыне.

Во время обучения на курсах Петр Яковлевич познакомился со своей будущей супругой Анной Ивановной Портновой. Она родилась в 1895 году в селе Подлубово в семье кузнеца. У Ивана Яковлевича Портнова и его супруги Варвары было трое детей, из которых старшей была Анна. Она очень хотела учиться, но бедная семья кузнеца была против того, чтобы дочь получала образование. На одном из сельских праздников талантливую и веселую девочку заметила княгиня Кугушева и помогла ей поступить в пансион для девочек. По окончании пансиона Анна Ивановна получила место учительницы в школе в одной из бедных деревушек; сюда к ней и приехал свататься Петр Яковлевич. Обвенчавшись в 1915 году, супруги переехали жить в Преображеновку, где поселились в доме, построенном для церковного клира сельским обществом; в те годы в этом селе это был единственный дом, крытый железом, почему и казался богатым. Анне Ивановне почти сразу же пришлось погрузиться в заботы по воспитанию родившихся детей. Кроме того, они у себя приютили брата Петра Яковлевича, Григория, и оставшуюся сиротой двоюродную сестру Анны Ивановны, Евдокию.

В 1918 году на территории Уфимской губернии развернулись боевые действия. Гражданская война, как и все гражданские войны, велась с большим ожесточением; некоторые села несколько раз переходили из рук в руки, и тогда победившая сторона выискивала тех, кто активно сотрудничал с противоборствующей стороной. Карательные расправы были скоры и почти бессудны. Петр Яковлевич многих тогда укрыл и спас от смерти.

Во время отступления белых вместе с ними ушел священник Казанской церкви Иоанн Канин, и богослужение в храме прекратилось. Прихожане обратились к Петру Яковлевичу за согласием на рукоположение его в сан священника. Ему было тогда всего двадцать два года, и, ссылаясь на свою молодость и неопытность, Петр Яковлевич стал отказываться от предложения. Анна Ивановна также была категорически против того, чтобы муж становился священником, так как быть священником в такое время становилось небезопасно

не только для него самого, но и для всей семьи. Прихожане, однако, продолжали уговаривать, и он посчитал, в конце концов, невозможным отказаться, и в 1919 году был рукоположен во священника к Казанской церкви.

Отец Петр со всей ревностью и энергией молодого пастыря принялся за исполнение священнических обязанностей. Он неустанно проповедовал, часто служил, при этом ему приходилось на пропитание семьи зарабатывать крестьянским трудом. Он сеял хлеб, занимался огородничеством, семья держала скотину. Впоследствии свидетели обвинения так охарактеризовали священника: «умный, энергичный, является примером среди верующих в смысле поведения в личной жизни; очень тактичен, вежлив по отношению к прихожанам... вполне грамотный, осторожный и хороший оратор-богослов... обладая красноречием, сумел взять под свое влияние даже бедняков – верующих фанатиков. На его проповедях присутствующие верующие всегда плачут... также подчинил своему влиянию своей умелой работой много молодежи, к которой подходил не только как поп, но как культурник. Росту авторитета и укреплению его влияния на верующих способствует его примерное поведение как попа и человека вообще».

В начале двадцатых годов местные комсомольцы из активистов подожгли дом священника, и вся семья оказалась без крова. Какое-то время они жили на квартире, но затем крестьяне постановили выделить священнику пустующий дом, принадлежащий сельскому обществу. Дом не был приспособлен для жилья, и зимой в нем почти невозможно было находиться из-за холода, но пришлось смириться и устраивать в нем свою жизнь. Сельсовет, однако, принял решение устроить в этом доме красный уголок, и семье священника пришлось уступить одну комнату. Отец Петр попросил разрешения читать посетителям красного уголка лекции по садоводству и пчеловодству, но власти, опасаясь его влияния как пастыря, отказали и стали настаивать, чтобы семья священника покинула дом.

Отец Петр обратился к жителям села, чтобы те общим решением выделили ему землю для строительства своего дома, и крестьяне постановили выделить священнику землю. Дом он купил, продав все свое имущество, в селе Отрадовка Стерлитамакского кантона* и перевез в село. Не успела семья поселиться в новом доме, как пришло известие, что волостной исполнительный комитет не утвердил решение сельского собрания, распорядившись: отвести эту землю под огород возле избы-читальни.

В октябре 1927 года в канун наступления зимних холодов отец Петр после богослужения обратился к прихожанам со словом: «Православные! На меня опять нападают. Ваше постановление ВИК не утвердил, к чему-то придравшись, и часть моей усадьбы отбирают под огород. Прибегаю к вашей помощи – защитите меня на собрании, позаботьтесь о своем пастыре, как и он о вас заботится!»

Народ откликнулся на призыв своего пастыря, и на собрание пришли даже глубокие старики и старухи, давно уже никуда не ходившие. Священник обратился к собравшимся со словом: «Верующие! Прошу вас подтвердить старое решение, ведь это незаконно! Я трудился над усадьбой, поставил дом, а теперь хотят отнять и чуть ли не сломать дом! Прошу не дать меня в обиду и защитить справедливость!» Большинство собравшихся подтвердили свое предыдущее решение – оставить за священником выделенную ему ранее землю.

В 1927-1928 годах власти потребовали от священника, чтобы он выплатил в качестве налога 470 рублей. Денег у отца Петра не было, и он взял в долг

* Кантон – административно-территориальная единица того времени.

необходимую сумму, которая впоследствии была отдана верующими. Однако за несвоевременную уплату налога от священника потребовали уплаты штрафа. Платить опять было нечем, и в качестве уплаты власти потребовали отдать корову. За коровой пришел председатель сельсовета. Священник, увидев, к чему клонится дело, сказал: «Берите». И ушел из дома, чтобы не видеть, как будут уводить кормилицу семьи. Анна Ивановна, однако, вступилась за корову и не дала председателю уводить ее со двора, и тот послал за священником, чтобы он оказал влияние на жену. Отец Петр вернулся домой и велел корову отдать. Для Анны Ивановны это было большим ударом, и с ней случился обморок.

В 1928-1929 годах от священника потребовали уплаты налогов уже в сумме 1000 рублей. Отец Петр снова обратился за помощью к пастве: «На меня много советская власть накладывает налогов, нет возможности жить. Если вы, верующие, не поможете, то мне придется уйти, и тогда разрушится Божий дом. Вы будете ответственны перед Богом за то, что допустите победить антихристу». Крестьяне попытались собрать средства для уплаты налогов, отдавая их Анне Ивановне, но средств на выплату всех налогов не хватило.

В 1927 году село Преображеновку посетил викарий Уфимской епархии епископ Стерлитамакский Марк (Боголюбов). Встречая его с крестом в храме, отец Петр сказал: «Существующая власть, яко серые волки, нападает на пасомое мною стадо и треплет его, но с Божией милостью защищаю свое стадо и пасу его, поелику хватает моих сил... Противники Христова учения думают, что вера пала. Но вера совсем еще не пала – в народе, в массе она еще есть».

В начале 1929 года усилились гонения на Русскую Православную Церковь. Центральные власти повсюду рассылали директивы об усилении работы по обезбоживанию народа и принятии к духовенству и верующим все более жестких мер. 9 марта 1929 года в Преображеновке состоялось общее собрание коммунистов, комсомольцев и актива бедноты, которое единогласно постановило храм закрыть.

Отец Петр снова обратился за помощью к верующим, призывая их отстаивать храм. «Церковь не могут закрыть, если вы будете на собрании протестовать, – сказал он. – Церковь от государства отделена, а государство все-таки вмешивается. Церковь никому не мешает, надо нам выступить организованно против закрытия церкви, иначе могут закрыть!»

Перед 1 мая среди жителей стал распространяться слух, что храм будут закрывать во время этого советского праздника. Отец Петр обратился к прихожанам, призвав их собраться к храму и не дать его закрыть. Он сказал: «Буду и я там, пусть что будет, то будет, арестуют – так арестуют, меня увезут, но народ не должен дать закрыть церковь».

1 мая перед храмом собралось около двухсот прихожан, они пробыли здесь до полудня, но никто из представителей власти не появился.

Все чувствовали, что дело идет к аресту священника. Близкие из верующих и даже местные коммунисты, сочувствующие отцу Петру, советовали ему во избежание тяжелых последствий покинуть село, но на это он отвечал: «Меня не за что арестовывать. Я ни в чем не виновен, свое служение и прихожан не брошу».

Отца Петра стали вызывать в сельсовет на беседы и уговаривать отказаться от служения и сана, предлагая взамен земные блага. «Петр Яковлевич, – говорили ему, – ты ведь грамотный человек, мы тебе первую должность дадим, брось ты

это». Однако отец Петр отказался, сказав: «У меня целое стадо овец, я их пастух и не могу их бросить».

В те дни супруга умоляла священника, чтобы он сжалился над нею и ради детей, которых уже было пятеро, причем старшей дочери было всего восемь лет, а младшей шесть месяцев, покинул опасное село и уехал на родину в Дияшево. Отец Петр молчал, но по всему было видно, что он начинал колебаться. В конце концов он распорядился нанять две подводы, и уже стали в них укладывать вещи, когда он отправился к жившим в селе монахиням – насельницам из находившегося рядом с Преображеновой закрытого женского монастыря. Узнав, что отец Петр собирается уезжать, они спросили его: «А как же мы, батюшка?» Этот вопрос решил все. Вернувшись домой, отец Петр твердо сказал супруге о своем бесповоротном решении: «Нюра, я не поеду!» Анна Ивановна умоляла его, валялась в ногах, уговаривала, но священник остался непреклонен.

26 мая 1929 года отец Петр был арестован и заключен в тюрьму в Стерлитамаке. Почти сразу же после ареста священника прихожане собрались в церковь, чтобы написать письмо в его защиту. Под письмом было собрано более двухсот подписей. Однако, когда верующие пришли в сельсовет, чтобы там заверили их подписи, председатель сельсовета отказался это сделать, и один из инициаторов сбора подписей был арестован. Было составлено новое обращение, под которым поставили свои подписи 150 человек. Секретарь партийной ячейки в селе отобрал это заявление и отослал в ОГПУ в качестве материала для обвинения жены священника в подстрекательстве крестьян к бунту.

– Кого вы подразумеваете под бессмысленными и обезумевшими людьми, которые думают, что вера в Бога быстро падает? Это вы говорили в приветственной речи епископу Марку в 1927 году, – спросил следователь священника на допросе 7 июля.

– Я разумел людей неверующих, безбожников...

Священник Петр Варламов. 1929 год

– Что вы хотели сказать верующим, говоря на проповеди в день Казанской: «Воспряните же, люди православные, и отрясите прах неверия, распространяемого современными отрицателями, и не вступайте на проповедуемый ими “широкий путь”»?

– Я хотел доказать верующим, что проповедуемый безбожниками «широкий путь» в действительности является путем широким только для зла, грехов и так далее.

– Кого вы подразумевали в проповеди на Казанскую под врагами Христа, попирающими Его учение и заповеди?

– Подразумевал не принимающих и не исполняющих учение Христа...

– Для кого вы писали воззвание в 1926 году, с какой целью и как это воззвание было распространено среди верующих?

– Это было прочитано как проповедь в день Казанской.

– Что вы хотели сказать на проповеди 1926 года словами: «Многие из нас, братья, присоединяются к тем злодеям, которые по наущению слепых и безбожных вождей умертвили Богочеловека. Нет ли среди нас таких людей, которые сеют среди других плевелы безбожия?»

– Я призывал верующих крепко держаться за веру и не идти по стопам безбожного учения, проповедуемого вождями безбожия, авторами литературы, как Ярославский. Говорил, что гонители, хулители веры в будущем будут усиливать гонение на веру во времена антихриста.

9 июля 1929 года следствие было закончено. 2 августа Анна Ивановна обратилась в ОГПУ с просьбой освободить мужа. «Из допроса мужа видно, что он задержан за агитацию, – писала она. – Я, как жена, поскольку его знаю, он против советской власти не шел и не пойдет, а против коммунистов никогда я от него не слышала; если бы он шел против, то он не стал бы скрывать красного; когда были белые, то мы скрывали товарища Саранцева Георгия Павловича. Белые его сильно стегали, он тайно убежал и у нас скрывался. Я просила его допросить срочно, так как он был в Стерлитамаке две недели в отпуске, а теперь живет в Красноусольске фельдшером. Ведь, скрывая его, нам грозила опасность... Я осталась с детьми совершенно одна... Детей у нас пять человек, старшей 8 лет и младшей 7 месяцев, и у меня средств к существованию нет, продаю оставшуюся мелочь, раньше на налог все распродали, так как всего уплатили почти 1000 рублей. Хлеба посеянного нет и запаса никакого. Уехать без мужа на родину невозможно, потому что земли, наверно, не дадут. Работать от детей нет возможности, они все малые... И если возможно, то прошу отпустить как кормильца детей, так как я не в состоянии прокормить детей одна».

В конце августа Анна Ивановна обратилась с просьбой к односельчанам, чтобы они похлопотали за священника. В своем обращении к ним она написала: «Прошу граждан дать одобрение – отзыв о священнике Варлаамове. Вы знаете, он здесь живет с 1915 года, был псаломщиком, и вы его упросили собранием посвятиться во священники. Помните, он вам говорил, что он молод и не может справиться, но вы, граждане, просили, и он согласился и в 1919 году поступил во священники. Во всю его жизнь в селе Преображеновка никого не обижал. Во время революции против советской власти никогда не выступал и ничего не проявлял. Когда здесь были белые, то он всех защищал, кто скрывался, и никого не выдавал. Он сам происходит из крестьян, и жена его дочь рабочего, и идти против власти он не мог. Он у вас на глазах был все время, и вы его хорошо знаете. Прошу граждан, обсудите этот вопрос. Ведь я с малыми детьми осталась

ни при чем, и отойти от них невозможно. Подходит зима, у меня нет ни хлеба, ни топки. Вы знаете, он с белыми не скрывался, а все время находился в Преображенковке. Даже во время белых у нас скрывался красный Саранцев – это многие знают. Прошу, не оставьте...»

1 сентября 1929 года в селе собралось общее собрание крестьян, на котором было рассмотрено заявление жены священника. Выступавшие на собрании крестьяне говорили: «Мы знаем, что он у нас с 1915 года. Плохого мы за Варламовым не замечали. С бедняками всегда обращался хорошо, никого не притеснял. Когда эвакуировался священник наш Канин, то мы стали просить Варламова, чтобы он согласился посвятиться во священники; он отказывался, но мы, граждане, его упростили и собранием постановили ехать хлопотать в Уфу, и он согласился по нашей просьбе. А будучи священником, мы от него никогда не слышали ничего против советской власти...»

Когда у нас была революция, мы видели и знаем, что наш священник Варламов с белыми не уезжал, и мы, которые уезжали с красными, знаем, что он наши семьи не выдавал, а, наоборот, защищал их, и благодаря ему наши семьи не были обижены и ограблены белыми...»

Собрание постановило все сказанное о священнике единогласно подтвердить и одобрить. Под протоколом собрания, где была дана письменная характеристика священнику, подписалось около пятидесяти человек.

Дело по обвинению священника в контрреволюционной деятельности рассматривалось в судебном заседании в Стерлитамаке 15-17 января 1930 года. Защита предложила суду дополнительно опросить тридцать пять свидетелей, из которых, в конце концов, было опрошено шесть. Отец Петр на суде опроверг все обвинения лжесвидетелей и следствия.

Помощник прокурора, видя, что дело выходит бездоказательным, потребовал отправить его вновь в ОГПУ для доследования, на что адвокат выразил свой протест: «Недоследованности по делу не видно. Это заявлено после того, как дело идет на оправдание подсудимых. Раньше прокурор от допроса свидетелей отказался, а теперь настаивает на них. Здесь выявлено, что следствие ГПУ искажено, подсудимые сидят невиновно восемь месяцев, и нет оснований для дальнейшего искажения передавать дело в ГПУ. Материал очень полон, и если есть сомнение в чем-либо, можно здесь выявить. Допрашивать больше некого, здесь уже достаточно допрошено и еще есть; передача дела на доследование есть затяжка. Прошу дело слушать!»

Суд проигнорировал заявление защиты, и дело было переслано на новое расследование в ОГПУ.

Анна Ивановна добилась встречи с судьей, который ей сказал прямо: «Если мы вашего отпустим, то надо партийных людей засадить, потому что они ложь написали. Мы же не можем этого сделать – священника освободить, а партийных людей засадить».

Вскоре всех арестованных стали отправлять из Стерлитамака в Уфу. Родственники заключенных, узнав об этом, собрались к воротам тюрьмы. Заключенных выводили и строили в колонну по восемь человек. Отец Петр, увидев пришедших повидаться с ним жену и дочь, благословил их и осенил себя крестным знаменем. В Уфу их гнали пешком. В первый день колонна заключенных прошла около пятнадцати километров и остановилась в селе Подлесном. Анна Ивановна пыталась добиться разрешения конвоя священнику ехать на подводе, поскольку он в тюрьме стал болеть, пыталась вручить ему

передачу, но ее не пропускали к отцу Петру. И все же ей удалось с ним встретиться; он отдал ей пуховый шарф, бывший при нем, и сказал: «Нюра, у тебя ведь девочки, возьми этот шарф пуховый, пригодится ведь дочкам».

5 марта 1930 года следствие было закончено и составлено новое обвинительное заключение, в котором священник обвинялся в том, что, «будучи руководителем кулацкой группировки, проводил активную деятельность в целях срыва всех важнейших мероприятий, проводимых советской властью в деревне». В обвинительном заключении следователь ОГПУ написал, что священник не признал себя виновным в контрреволюционной деятельности и все обвинения категорически отвергает, утверждая, что они построены на ложных доносах на почве вражды и личных счетов.

9 марта тройка ОГПУ приговорила отца Петра к расстрелу. Священник Петр Варламов был расстрелян в городе Уфе 11 марта 1930 года и погребен в неизвестной могиле.

В бумагах Анны Ивановны после ее кончины была найдена написанная ее рукой молитва, которой она молилась ко Господу после ареста мужа: «Благодарю Тебя, Господи Боже, за все: за жизнь, за невзгоды, прожитые мною, за разлуку с любимым мужем (священником) моим, за муки и радость... за все Тебя, Боже, благодарю...»

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

Игумен Дамаскин (Орловский). «Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Февраль». Тверь. 2005. С. 418-428